

УДК [947.083:343.352](571.63)

Позняк Т.З.

Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века

The Chinese immigrants and corruption of the officials on the Russian Far East in the beginning of XX century

Статья посвящена коррупционным практикам дальневосточного чиновничества и полиции, связанным китайской иммиграцией на российский Дальний Восток в начале XX в. В статье обобщены и проанализированы материалы служебных расследований по делам о коррупции во Владивостокской полиции, большая часть из них впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: коррупция, китайские иммигранты, российский Дальний Восток, дореволюционная история, проституция, преступность, полиция, чиновничество.

The article is devoted to corruption practices of the fareasten bureaucracy and police, connected with the Chinese immigration to the Russian Far East in the beginning of XX century. The author generalizes and analyzes materials of service investigations on affairs about corruption in the Vladivostok police, the most part from them is used in such scientific investigation for the first time.

Key words: Chinese immigrants, the Russian Far East, prerevolutionary history, prostitution, police, crime, corruption, officials.

Рост общественного и научного интереса к проблеме коррупции в современной России вполне обоснован. По оценкам экспертного сообщества, общий объём коррупционного оборота в России оценивался в 250-300 млрд. долл. в год, наша страна по индексу восприятия коррупции в 2008 г. занимала 143 место в мире из 180 [5, с. 70-71]. Несмотря на то, что власти демонстрируют решимость в борьбе с этим явлением не только на уровне обсуждения, но и на уровне принятия законодательных и практических мер, проблема остаётся по-прежнему нерешённой [3, с. 30-32]. В области изучения коррупции в России лидируют экономисты, социологи, юристы, в работах которых вполне естественно доминирует внимание к юридическим аспектам, экономическим и социальным

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** tzpoznyak@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., гос.контракт №02.740.11.0347 «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX начало XXI вв.».

последствиям коррупции.

Термином «коррупция» обозначают чаще всего использование должностными лицами своего служебного положения и властных полномочий в целях личного обогащения. Феномен коррупции включает в себя скрытые, невидимые практики с большим количеством нормативных нюансов. Как в современном российском законодательстве, так и в дореволюционном, под это понятие подпадал целый ряд должностных преступлений. Сюда можно отнести также действия государственных служащих, которые не являвшиеся преступлениями с точки зрения юридической практики того времени, но и не соответствовали морально-этическим нормам рассматриваемого общества.

Основная цель данной статьи – на примере материалов нескольких служебных расследований, проводившихся во Владивостоке в начале XX в., показать особенности взаимодействия чиновников и китайских иммигрантов на дальневосточной окраине, неформальные способы адаптации китайцев к российской жизни, основные виды коррупционных практик среди дальневосточного чиновничества. В данной статье «дальневосточное чиновничество» – условное название лиц, находившихся на государственной службе (как имевших, так и не имевших чина), включая представителей полиции. Во Владивостоке с 1908 г. по 1915 г. было проведено несколько служебных расследований, в результате некоторых из них на скамье подсудимых оказались «организованные преступные группировки», включавшие служащих полиции и китайцев-переводчиков и содержателей притонов. Большинство дел о коррупции было связано с присутствием в регионе китайских иммигрантов и их нелегальной деятельностью. Владивосток не был в этом плане чем-то исключительным, подобные расследования проводились во всех дальневосточных городах.

Сложность рассмотрения данной проблемы обусловлена неполной сохранностью источников и особенностями ведения следствия в дореволюционное время, возможной дачей ложных показаний не только обвиняемыми по делу, но также «истцами» и «свидетелями», что не позволяет выявить степени виновности или отсутствие вины основных действующих лиц.

В ноябре-декабре 1908 г. военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу и приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру поступило несколько жалоб на действия Владивостокской полиции. В прошениях фигурировал ряд обвинений: во-первых, действовавшее во Владивостоке Китайское национальное собрание в реальности являлось игорным домом, причём чины полиции получали незаконные доходы, взимая плату за дозволение азартных игр в нём; во-вторых, в городе действовало огромное количество нелегальных игорных заведений (так называемых банковок) и полицейские чины осуществляли регулярные поборы с их владельцев; в-третьих, врачебно-полицейский комитет города подвергал замужних китайянок незаконному медицинскому освидетельствованию и ставил на учёт, как проституток (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 4, 13).

Приамурский генерал-губернатор в письме на имя и.д. военного губернатора области Я.П. Омелянович-Павленко от 3 декабря 1908 г. подчеркнул: «...весьма частое поступление ко мне подобных заявлений указывает на возможность действительного существования некоторых оснований к жалобам...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 11), и распорядился начать детальную ревизию деятельности полиции Владивостока. Для проведения ревизии во Владивосток из Хабаровска был послан чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе, статский советник В.В. Перфильев, который завершил проверку к сере-

дине февраля 1909 г. Уже будучи во Владивостоке, Перфильев получил заявление китайского подданного Джан-хо-лина¹, якобы тот являлся сборщиком денег с банковок в пользу полицмейстера Г.И. Лединга, помощника его П.А. Кельбедина, пристава 3 полицейской части города И.С. Вакурова, околоточного надзирателя В.В. Новицкого и китайского переводчика Ян-ю-бо (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 22об.).

Результаты ревизии и дознаний свидетелей по делу были представлены Перфильевым генерал-губернатору в двух докладах о Китайском собрании и системе поборов с банковок (от 15 и 16 февраля 1909 г.) (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 20-32). Насколько можно судить по материалам дознаний и жалобам, в городе сформировались две противоборствующие группировки, включавшие не только полицейских, но и других чиновников, они предъявляли друг другу взаимные обвинения в коррупции, и не только активно вовлекали в свои ряды китайцев, но и обвиняли друг друга в подкупе свидетелей. Одну возглавлял полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, другую – адъютант военного губернатора Приморской области штабс-капитан Ермолаев². Лединга его «оппоненты» обвиняли в получении взяток от сборщика податей с банковок Джан-хо-лина и содержателя притонов Чин-гоу, а также в потворстве азартным играм в Китайском собрании. Он, в свою очередь, не отрицая существование в городе системы поборов с китайцев, категорически отвергал собственную причастность к подобным преступлениям и обвинял противников в оговоре, подстрекательстве китайцев к даче ложных показаний с целью сместить его с должности полицмейстера, ибо он, добросовестно исполняя свои обязанности, мешал преступникам (т.е. его оппонентам) развернуться в полную силу. В качестве свидетелей Ледингом были привлечены околоточные надзиратели Скарнель, Порняк, бывший заведующий городской стражей Званнер и несколько китайцев (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 42-47).

Материалы ревизии Перфильева послужили основанием для соответствующих оргвыводов. Решением военного губернатора Приморской области действие Китайского национального собрания было приостановлено с 7 февраля 1909 г., а постановлением Приморского областного по делам об обществах и союзах присутствий от 26 февраля 1909 г. оно было закрыто (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 40). В конце марта 1909 г. по распоряжению военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга было начато предварительное следствие по делу о взятках и поборах во Владивостокской полиции, а в апреле 1910 г. дело было передано в суд. В сентябре 1910 г. дело рассматривалось во Владивостоке на выездной сессии Иркутской судебной палаты. Ход судебных заседаний подробно освещался на страницах газеты «Далёкая окраина» [1]. В качестве основных фигурантов дела выступали полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, помощник полицмейстера Г.К. Петров, губернский секретарь П.А. Кельбедин, пристав Владивостокской городской полиции И.С. Вакуров, околоточный надзиратель В.В. Новицкий и китаец Джан-хо-лин. На время следствия Г.К. Петрова командировали в Хабаровск помощником начальника Хабаровского уезда, П.А. Кельбедина – в Никольск-Уссурийский помощником начальника Южно-Уссурийского уезда, пристава 3-й части И.С. Вакурова и околоточного надзирателя В.В. Новицкого отстранили от должностей, вопрос о Г.И. Лединге был отложен, поскольку он не исполнил своих обязанностей из-за болезни (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 50а-50а-об., 183-185). Они обвинялись в сборе

¹ Здесь и далее написание китайских имён и фамилий дано в соответствии с дореволюционными источниками во избежание разночтений.

² Относительно последнего также было начато расследования, однако материалы его в архиве пока не найдены.

неустановленных законом поборов с китайских игорных домов. Ежедневная выплата с каждой банковки была 3 руб., что в сумме составляло 1500 руб. в мес., которые распределялись между полицейскими в зависимости от чина. В случае отказа владельца платить означенный сбор, игорное заведение закрывалось. Свидетелями по делу выступили содержатели банковок и переводчик китайского языка Кауфман (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 189-194). В результате длительных судебных прений удалось доказать, что подобные поборы существовали, однако осудили за них только помощника полицмейстера Петрова и пристава Вакурова к 1,5 годам и китайца Джан-хо-лина к 8 месяцам тюрьмы. Вина остальных осталась недоказанной, адвокаты настаивали, что обвинения владельцев банковок являются наговорами из-за борьбы, которую полиция ведёт в городе с игорным бизнесом и опиекурением [1].

Несмотря на то, что вина Г.И. Лединга также не была доказана (возможно, он действительно сам не брал взятки), как полицмейстер он, бесспорно, был ответственен за существование системы поборов в подведомственном ему городе, ибо не смог организовать устойчивого противодействия коррупционному поведению местной полиции. Это расследование было не единичным случаем.

Целый ряд служебных расследований был связан с существованием во Владивостоке тайной китайской проституции и попытками региональной администрации установить контроль над ней. В конце XIX – начале XX в. в городах Дальнего Востока начали организовывать Врачебно-полицейские комитеты (далее – ВПК), в задачи которых входил медицинский и полицейский надзор за проституцией. Во Владивостоке ещё с начала 1880-х годов были организованы медицинские осмотры и открыта лечебница для проституток зарегистрированных домов терпимости (японских и русских). Здесь же ранее, чем в других дальневосточных городах, был организован и начал действовать ВПК (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 43-44). Основные проблемы в деятельности комитета во Владивостоке возникли при попытке установить контроль над тайной китайской проституцией.

В начале ноября 1908 г. приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру поступила жалоба китайских подданных Джао-фу, Хотифа, Джан-кин-куй на незаконные действия помощника полицмейстера Владивостока П.А. Кельбедина и переводчика китайского языка при нём Чушанму. Китайцы ссылались на своё предыдущее прошение военному губернатору Приморской области, в котором указывали, что эти лица «обложили незаконными поборами почти всё китайское семейное население Владивостока»; а когда военный губернатор области поручил чиновнику особых поручений провести дознание, в их адрес стали поступать угрозы от разных, неизвестных лиц, «что всех нас за нашу жалобу на Чушанму и Кельбедина выселят из Владивостока или засадят в тюрьму». Часть обвинений китайцев выглядит довольно гротескно: «... переводчик от имени Кельбедина ходит по квартирам с револьвером в руках и требует денег... на следующий день в квартиры, где Чушанму не дали денег, явился Кельбедин с городскими и арестовал наших жён, матерей и даже маленьких детей. ... Им было арестовано 28 наших китайских женщин, среди которых были и глубокие старухи и самые маленькие дети» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 4-4об.).

После переписки канцелярией Приамурского генерал-губернатора военный губернатор Приморской области распорядился начать предварительное следствие по этому делу. По версии обвиняемого китайцами в коррупции П.А. Кельбедина, исполнявшего в то время обязанности члена-распорядителя Владивостокского ВПК, эти жалобы были вызваны попытками установить надзор за тайной китайской проституцией в

городе. 18 августа 1908 г. комитет постановил приступить к регистрации китайских проституток в городе. Китайский подданный Чушанму, также фигурировавший в заявлении китайцев, был нанят в качестве тайного агента для сбора предварительных сведений, с чем он успешно справился: им было выявлено место проживания и работы 451 проститутки с указанием улиц, домов, квартир, но без фамилий (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 176). Однако предложенный и согласованный с председателем ВПК Н.Е. Акацатовым план Кельбедина о внезапной облаве по выявленным адресам и принудительной регистрации домов терпимости вызвал возражения и.о. полицмейстера Г.К. Петрова (того самого, который позднее был осуждён по вышеизложенному делу о поборках с банковок). Петров настаивал на собственном плане, ибо, по его словам, он как здешний старожил, «знает китайцев, вырос с ними и они сами пойдут навстречу ему...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177). Он распорядился заготовить повестки о вызове содержателей домов терпимости в китайский театр, где им будет предложено добровольно зарегистрировать свой заведение. Согласно показаний Кельбедина, «из вызванных в театр Юн-хо-зана более ста содержателей китайских домов терпимости явилось человек 15, которые по объявлении им цели вызова высказали лишь нежелание подчиниться регистрации, и... по истечении данного срока ни один из содержателей регистрации добровольно не подчинился. Переводчик Чу-шан-му... присутствуя в театре... был узан содержателями домов терпимости, как приходивший к ним, почему в тот же день ими и было заявлено, что он будто бы брал с них деньги, почему на следующее утро и был арестован и заключён под стражу» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177). Дальнейшие облавы в доме Е-фу-гуя (владельца одного из домов, где находились тайные притоны) выявили только уже зарегистрированных проституток. В качестве поручителей Е-фу-гуя выступили областной инженер Федосеев и присяжный поверенный Дмитренко, которые в полицейском участке обещали, что не только задержанные проститутки, но и все остальные добровольно подчинятся регистрации. Однако вместо исполнения данного обещания губернатору поступили жалобы от содержателей домов терпимости, и Е-фу-гуя в том числе (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177об.).

Дальнейшие попытки ВПК путём облав, организации техническо-санитарных осмотров зданий вынудить содержателей тайных домов терпимости зарегистрировать свои заведения продолжались в декабре 1908 г., январе-апреле 1909 г., но также не увенчались успехом. Основными причинами было отсутствие жёсткости, последовательности и единства требований со стороны чиновников разных ведомств, противоречия в российском законодательстве по надзору за проституцией, но главное активное противодействие китайцев, заинтересованных в весьма доходном «бизнесе» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 233-237).

Каждая попытка установить надзор вызывала волну жалоб и обвинений чинов полиции и иных должностных лиц, вплоть до губернатора области в «насилии, взяточничестве и превращении власти». Весьма показательным в этом плане было поступившее в июне 1909 г. на имя приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера заявление 11 китайских подданных. Они обвиняли полицмейстера Владивостока Г.И. Лединга и военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга в поборках с китайских проституток и освобождении из-под ареста китайского подданного Чан-пэя, который якобы занимался разбоями и грабежами и был главарём шайки хунхузов в 200 человек, за взятку в 1000 руб. от жены Чан-пэя (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 136).

Приамурский генерал-губернатор распорядился передать это заявление военному губернатору Приморской области с просьбой прове-

сти расследование, о его результатах В.Е. Флуг доложил в канцелярию генерал-губернатора в конце сентября 1909 г. Материалы доклада свидетельствовали, что «ни одного из упомянутых в заявлении китайских подданных в городе не оказалось..., случая ареста китайского подданного Чан-пэй вовсе не было, ...никаких денежных сборов с проститутки не производилось и не производится...», «хотя и предлагалось Врачебно-Полицейскому Комитету приступить к регистрации китайской проституции г. Владивостока, но предложения эти по тем или иным причинам не выполнялись и регистрация китайок-проституток по сие время не введена...». Заявление же 11 китайцев в действительности было написано китайским подданным Лан-хун-ды, подававшим жалобу генерал-губернатору на отказ принять его переводчиком 3-й полицейской части Владивостока. Кроме того, через опрос свидетелей установлено, что именно Лан-хун-ды, проживая в городе без определённых занятий, и был вымогателем сборов с тайных притонов. Материалы дознания по жалобе Владивостокский полицмейстер передал судебным властям на предмет привлечения Лан-хун-ды к ответственности, а сам он «в виду ясности улики» заключён под стражу. Несмотря на ходатайство Лединга о высылке Лан-хун-ды на родину за клевету на должностных лиц, Флуг, будучи сам замешан в этот скандал, не счёл удобным высылать его своей властью, а запросил канцелярию генерал-губернатора, не будет ли расследование поручено чиновнику, не состоявшему в его подчинении (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 153-153об.).

Очередная попытка ВПК зарегистрировать китайских проституток в январе-феврале 1910 г. также не увенчалась успехом из-за уже апробированной тактики китайцев. 1 февраля 1910 г. на имя прокурора Владивостокского окружного суда Стёпковского поступили прошения китайских подданных Ван-хе-ли, Цзе-и-ки и Ли-хун-юе, жаловавшихся на незаконное задержание полицией их жён, насильственно подвергнутых медицинскому осмотру и выдаче «жёлтых билетов». В России проститутки обязаны были регистрироваться в полиции и регулярно проходить медицинские осмотры. Вместо паспортов, которые хранились в полицейском участке, им выдавались медицинские книжки, где делались отметки об осмотрах. Книжки были жёлтого цвета, отчего и именовались в просторечии «жёлтыми билетами» [2, с. 27-31]. Прокурор переправил эти прошения и.д. военного губернатора Приморской области Я.И. Омелянович-Павленко, который в свою очередь поручил Г.И. Ледингу провести личное расследование. В начале марта жалобы от этих же и других лиц поступили и приамурскому генерал-губернатору. Китайцы настаивали на собственной невиновности, оскорблении чести и достоинства своего и их жён, а также незаконных действиях полиции, включая поборы.

В ходе расследования выяснилось, что прошения последовали за полицейской облавой, проведённой ранним утром 22 января 1910 г., в ходе которой были выявлены безбилетные китайцы и тайные дома терпимости. Из 22-х задержанных китайок у 11 чел. во время медицинского обследования обнаружили венерические заболевания (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 63об.). Представители полиции и ВПК настаивали на законности своих действий. Они руководствовались предписаниями Приамурского генерал-губернатора от 8 октября 1909 г. и военного губернатора Приморской области от 27 октября 1909 г. о принятии энергичных мер к регистрации китайской проституции, а также агентурными сведениями о наличии тайных домов терпимости в доме № 8 (Е-фу-гуя) по Косому переулку и сокрытии преступников, обвинявшихся в убийстве. Китайцы же, подавшие прошения, по мнению представительницы полиции, являлись сутенёрами, а те, кого они выдавали за своих

жён, проститутками, за счёт которых они жили.

В ходе следствия полиция выявила, что часть заявлений была написана подставными лицами, в показаниях китайцев присутствовала масса нестыкровок и противоречий, от некоторых обвинений в адрес полиции китайцы отказались, в домовых книгах и русских билетах китайцев наличествовали подделки, приписки другими чернилами и более позднего времени, и пр. Показательны в этом плане материалы дознания одного из китайцев – Ван-сюе-ли (он же Ван-хе-ли), который не отрицал, что, не имея собственных заработков, жил вместе с женой на средства, заработанные племянницей Сяо-куй-сир, работавшей в китайском театре Ван-ли-лина (что, впрочем, не подтвердилось в ходе опроса директора и кассира этого театра). Прошение, по его словам, писал «незнакомый русский», который и вставил по собственной инициативе слова о поборах полиции. Ван-хе-ли утверждал, что какой-то городской на смешанном русско-китайском языке и жестами показывал, что, если он даст взятку, жену освободят. Его жена дала несколько иные показания, утверждая, что живут они на средства, заработанные актрисами Сяо-куй-сир и Сяо-куй-юер дочерьми Ван-хе-ли от первого брака. Этих девушек полиция найти не смогла (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 72-74об.). Подобные нестыковки и противоречия присутствовали в материалах дознаний всех китайцев. Одного из писавших прошение «мужей» не узнала «жена», когда он пришёл забирать её из венерической больницы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 76).

В рапорте полицмейстера военному губернатору Приморской области от 3 марта 1910 г. было сказано: «Из вышеизложенного Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что огульные обвинения, возводимые на чинов Владивостокской полиции, в нарушении обязанностей службы, лихоимства и самоуправства дознанием не только не подтвердились, но обнаружена заведомая их ложность; податели прошений – отнюдь не оскорблённые в своих семейных чувствах люди, а содержатели проституток-китаянок, торговцы живым товаром, снабжавшие им Владивостокский рынок разврата. Действиями полиции 22 января были, правда, нарушены их материальные интересы, основанные на торговле женским телом, и под влиянием и руководством посторонних лиц, материально заинтересованных в недопущении регистрации китаянок-проституток, просители заведомо ложно возбуждают обвинения в тяжких преступлениях по должности чинов вверенной мне полиции» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 63-63об.).

Подобные жалобы приамурскому генерал-губернатору продолжали поступать в марте-июне 1910 г., продолжались и расследования, и переписка между чиновниками, полицией, членами Врачебно-полицейского комитета. Но большинство чиновников сходилось во мнении, что подобные дела часто инициировались китайцами – содержателями тайных притонов – с целью уклонения от регистрации, а в действиях полиции не было состава преступления.

Иного рода было дело советника Приморского областного правления Г.Г. Фон-Ундрца. В январе 1914 г. во Владивосток приамурским генерал-губернатором была направлена Комиссия для обследования «жёлтого и еврейского вопросов» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 30-41). В её состав входили делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Н.П. Щербаков, старший помощник делопроизводителя Л.Г. Ульяницкий, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Л.И. Звездин. Уже на месте членам комиссии поступили жалобы от китайских подданных Лян-вен-цзы и Чи-сян-ге на незаконные действия советника Приморского областного правления Г.Г. Фон-Ундрца. Первый обвинял чиновника в незаконной высылке своего брата Лян-вен-

шаня, который прожил 20 лет во Владивостоке, служил переводчиком в полиции, затем занимался коммерцией и имел репутацию честного солидного коммерсанта. Причиной высылки, по мнению Лян-вен-цзы, стало выступление Лан-вен-шаня в качестве свидетеля по делу Е-фугуя и Ундрица. Второй проситель ходатайствовал о возвращении своего незаконно высланного брата Чжоу-зун-сана, который занимался торговлей под фирмой «Тай-юань-дунь» по Алеутской ул. в доме Купера и управлял домами Купера.

Во время дознаний Чи-сян-ге показал, что в июне 1913 г. к брату пришёл переводчик военного губернатора Сун-фу-цин и просил занять для Ундрица 500 руб., угрожая высылкой, брат отказался и был три раза оштрафован, а затем 22 августа выслан на родину. Он назвал фамилии купцов, как дававших взятки Ундрицу, так и высланных за отказ от дачи взятки (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 6, 30-31).

По делам IV отделения Приморского областного правления комиссия установила, что оба китайца были высланы на родину по постановлениям военного губернатора Приморской области как «порочные» иностранцы за содержание опиекурилен и банковок. Кроме того, они неоднократно подвергались штрафам как арендаторы домов, в которых были выявлены тайные притоны, что подтверждалось протоколами об-лав.

Однако в ходе следствия жалобы китайцев на неблагоприятные поступки Ундрица нашли подтверждение в ряде свидетельских показаний. Комиссия пришла к выводам, что Г.Г. Фон-Ундриц, пользуясь служебным положением и особым доверием военного губернатора области М.М. Манакина, из корыстных соображений в соучастии с бывшим переводчиком китайского языка Сун-фу-цином «вымогал с китайцев деньги под угрозой выселения в случае отказа...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 37об.). Члены комиссии выяснили подробности неблагоприятной деятельности чиновника: он установил систему поборов с китайских купцов, держателей банковок и опиекурилен, причём в случае отказа платить, применял штрафные санкции, а затем высылал из области; подобные регулярные поборы под видом займов он осуществлял и с Китайского общества (размер «позаимствований» составлял 150-300 рублей), а затем и вовсе поменял состав правления общества, чем «приобрёл сильное влияние на его дела». Он организовал систему, когда задержанные китайцы освобождались на поруки только местному Китайскому обществу (разумеется, не безвозмездно). Переводчик Су-фу-цин содержал собственную банковку, в которой проигрывались большие суммы, затем делившиеся между «компаньонами» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 36об.).

Свидетели привели немало фактов, когда арендаторы домов, где выявлялись притоны, и владельцы банковок не подвергались наказаниям, так как либо ежемесячно платили Ундрицу по 400-500 руб., либо делали ему крупные подарки. В качестве таких примеров свидетели назвали держателя банковской Згута, владельца гостиницы «Крымские номера» И.К. Боровикса, владельцев домов Ван-и-лина и Тан-вен-зяна. Китаец же Де-вэн-цзян принуждён был купить в магазине Мао-чан на 1000 рублей железа для постройки дачи Ундрица. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 33-33об.).

Владивостокский полицмейстер Г.И. Лединг в личной беседе с делопроизводителем канцелярии генерал-губернатора Щербаковым сказал, что Ундриц часто прибегал к займам денег у пристава 3-й части С.К. Процука, вызывая его постоянно в шантаны, где он кутил и денег не платил, запугивая держателей своим служебным положением. Ундриц жил не по средствам, постоянно кутил за счёт заведений в шанта-